

Елена Андреевна Ган

Идеал

Елена Ган

Идеал

«Public Domain»

1837

Ган Е. А.

Идеал / Е. А. Ган — «Public Domain», 1837

«Дом дворянского собрания был великолепно освещен; плошки на воротах, плошки у подъезда; кареты, коляски, брички, сани везли целые грузы бабушек, маменек, дочек, внучек; собрание было блистательное. Два жандарма, стоявшие у крыльца, не успевали отгонять опорожненных экипажей. Канцелярские стряхивали снег с своих шинелей, артиллеристы, смотря с улыбкой презрения на этих фрачников, гордо расправляли усы и всклокоченные волосы. Но то ли еще было в зале!..»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Елена Ган

Идеал

Дом дворянского собрания был великолепно освещен; плошки на воротах, плошки у подъезда; кареты, коляски, брички, сани везли целые грузы бабушек, маменек, дочек, внучек; собрание было блистательное. Два жандарма, стоявшие у крыльца, не успевали отгонять опорожненных экипажей. Канцелярские стряхивали снег с своих шинелей, артиллеристы, смотря с улыбкой презрения на этих фрачников, гордо расправляли усы и всклокоченные волосы. Но то ли еще было в зале!

Четыре люстры величаво спускались с потолка; вдоль стен расставлены были диваны, покрытые оранжевым ситцем с зелеными узорами, а на передней части залы под огромным зеркалом стояли два пунсовые кресла. На хорах тринадцать человек музыкантов сидели в ожидании входа губернатора с поднятыми смычками, готовясь огласить залу при его вступлении полонезом из «Русалки». Диваны были уже заняты дамами всех возрастов и чинов; статские смиренно расхаживали по зале с круглыми шляпами в руках; кавалеристы с нетерпением бряцали шпорами; старики умильно кружились подле расставленных карточных столов, но никто не начинал ни танцевать, ни играть. Общество походило на огромного истукана, для которого душа не была еще ассигнована. Кое-где мужчина, проходя за диванами, останавливался позади девицы и, наклонясь, шептал ей, вероятно, что-нибудь очень приятное, потому что улыбка вдруг расцветала на устах девушки, и, глядя на нее, маменька самодовольно поправляла свой чепец.

Вот явился и крошечный прокурор в огромном парике, который уже тридцать лет венчает эту голову, глубокий тайник законов. За ним плывет толстая прокурорша с четырьмя дочерьми, из которых меньшая головой выше своего папеньки. Статские почтительно расступались перед законоведцем, а несколько артиллеристов порхнули к его дочерям.

– Mademoiselle Esperance, вы ангажированы на мазурку?

– Ах, да!

– Кем?

– Мусье Сидоренко.

– Как я несчастлив.

И рыцарь изъясил свою горечь отрывком из одной русской поэмы, которой сочинитель испытал бы еще большую горечь, услышавши, как безжалостно исковерканы были его стихи.

Зала совершенно наполнилась, а танцевать все еще не начинали; бьет десять часов; на всех лицах нетерпение; но все сидят как прикованные. Вот влетело в залу розовое облачко, предвестник яркого светила. Это был городничий. Ропот надежды пробежал по всему собранию; от дверей до пунсовых кресел составила широкая дорога, и глубокое молчание воцарилось в зале, как на море тишь перед грозой; музыканты ударили в смычки; радостный трепет потряс молодых девиц до самого основания, и губернатор важно вошел в дверь, ведя под руку свою величественную половину, украшенную блондами, цветами, перьями, ярко-малиновым беретом и бронзовую фероньеркою, которой три висящие стеклышка качались как маятники над ее широким носом. При входе в залу он вручил шляпу свою дежурному чиновнику, который нарочно для того стоял у дверей с самого начала вечера. Губернатор и губернаторша продолжали шествие; все склоняло головы по мере их приближения, дамы вставали с мест: да! вставали; таков непреложный этикет губернских балов. Только военные позволяли себе кланяться с развязным видом. Грозная чета опустилась на мягкие кресла; дамы окружили губернаторшу, и она снисходительно кивала им головой, а некоторых милостиво спрашивала даже о здоровье. Но более всех суетилась приехавшая с ней маленькая полицеймейстерша, одетая по последней картинке московского модного журнала.

– Мадам Бирбенко, – сказала томно губернаторша вертлявой полицеймейстерше, – не становитесь, пожалуйста, моим vis-a-vis в кадрилях; я слишком кажусь огромною против вас.

– Извольте-с, ваше превосходительство, – отвечала покорно мадам Бирбенко.

– Скажите, mesdames, кто из вас знает, – произнесла вновь губернаторша, – увидим ли мы здесь сегодня полковницу Гольцберг?

– Сомневаюсь, – вскричала полицеймейстерша, – она парит под небесами и не спустится к нашим земным веселостям, хоть и не пропускает случая пользоваться земными удовольствиями.

– Вы, видно, коротко знакомы с ней? – простодушно спросила ее недавно приехавшая помещица.

– Ах, боже мой, да разве нужно быть век знакомой, чтоб узнать женщину! Видна птица по полету; да и слышно же, что говорят!

– Я слышала, – сказала прокурорша, – что она все читает книжки и что даже мужу ее эти книжки крепко надоели; поручик Тарабарин рассказывал, что полковнику часто приходит охота бросить их в печь.

– Ах, тапан, вы совсем не то говорите, – сказала умирающим голосом старшая дочь прокурорши, поднимая свои серые глаза, которых, наперекор всем стараниям, никак не могла сделать томно-выразительными, – нас уверял поручик, что она сочиняет роман, который скоро поступает в печать.

– Уж конечно, роман нравственный! – вскричала с злобною усмешкою полицеймейстерша. – Эти смиренницы любят выставлять напоказ добродетели, которых у них не водится.

– Да почему же вы полагаете в ней скрытые пороки? – произнес голос из толпы. – Я знаю давно мадам Гольцберг и уверяю вас, что свет много бы выиграл, если бы в нем было побольше подобных ей женщин.

– Ах, бог мой, симпатическое предстательство! – возразила вполголоса полицеймейстерша, и взоры ее обратились в ту сторону с такою яростью, что два квартальных у дверей уронили со страху свои шляпы.

В это время вошла в залу молодая женщина лет двадцати двух, не красавица, но стройная, милая, одетая чрезвычайно просто: ни одного цветка, ни одного бронзового украшения. С первого взгляда можно было сказать об ней – не дурна, – но второй взгляд рождал желание всмотреться в ее черты, и чем более вы всматривались в них, тем неохотнее взоры ваши отворачивались от этого милого личика. Темные глаза ее боязливо смотрели из-под длинных черных ресниц; в ее улыбке было что-то неизъяснимо доброе, и тень грусти часто мелькала на этом лице, но принужденная веселость побеждала ее; несмотря на боязнь, на почти детскую робость осанка ее была благородна и даже немного горда. Она смотрела вокруг себя, как некогда смотрел христианин в римском цирке на диких зверей, трепеща от их сверкающих взоров, от их острых когтей, но возносясь духом выше их свирепости и силы, стремясь с светлою надеждою к близким небесам. Мне грустно было смотреть на эту необыкновенную женщину, рожденную украшать собою выбор человечества; грустно было видеть эту светлую поэтическую душу окруженную ядовитым роем ос, которые находили удовольствие жалить ее со всех сторон. Положение мужчины с высшим умом нестерпимо в провинции; но положение женщины, которую сама природа поставила выше толпы, истинно ужасно.

– Ваша полковница хотела поразить нас пастушескою простотою... как это мило! – сказала полицеймейстерша од ному офицеру, спеша, сколько позволяли ей коротенькие ножки, опередить госпожу Гольцберг, чтобы стать во второй паре.

Бесконечно тянулся польский; губернатор прошелся со всеми супругами своих подчиненных, строго соблюдая старшинство чинов, а губернаторша со всеми офицерами, строго соблюдая постепенность их миловидности. Наконец, по желанию ее заиграли вальс.

Вальс, столько оклеветанный, но все-таки любимым танцующим светом, если ты где-нибудь сохранил свою непорочность, то это в тесных залах провинциальных городов, где ловкие кавалеры не поддерживают своих дам, но часто держатся за них, чтобы не сбиться с такту и не спутаться ногами с следующей парой; где длинные шпоры кавалеристов беспощадно впиываются в женские ножки; где запах помады, которую многие кавалеры так щедро намазывают свои волосы, заставляют танцорок отворачивать носики и пламенно желать окончания тура.

В это время полковница Гольцберг в сильном смущении радостно сжимала руки одной девицы: несмотря на все ее усилия овладеть собою, слезы едва не брызнули из-под ее ресниц, и яркий румянец озарил ее бледные щеки. Девица с не меньшим волнением смотрела на нее, но она казалась немного старше госпожи Гольцберг и лучше умела управлять своими чувствами. Несколько любопытных взоров были устремлены на них, но в первую минуту радостной встречи они не замечали ничего.

– Вера, – говорила госпожа Гольцберг, – так ли мы думали встретиться! Ах, как тягостна подобная встреча здесь, па бале! Она переносит меня в минуту нашего горького прощанья, помнишь, над свежей могилой нашей матери! сколько лет я не получала от тебя ни строки! Скажи, знала ли ты, что я замужем?

– Да, но не знала точно фамилии твоего мужа, ни места пребывания вашего.

– А ты все еще живешь у родственницы своей?

– С нею я и залетела в эту сторону.

– Слава богу! Теперь я не одинока в мире!

– Ольга! ты все та же пламенная голова. Успокойся, друг мой, посмотри, мы представляем очень занимательную сцену для любопытных. Завтра целый день я твоя, но сегодня забудь о моем присутствии. Вот идет твой кавалер, кадрили ожидает тебя; поди, до свидания.

И Вера, освободив руку свою, поспешно скрылась в толпе и ушла в уборную комнату, чтобы оправиться от собственного смятения, которое овладело ею наперекор принятому равнодушию при неожиданной встрече с подругою своего детства, с своей сестрой по сердцу. Госпожа Гольцберг машинально подала руку своему кавалеру, молодому помещику той губернии; он недавно прибыл из Петербурга, играл значительную роль в обществе и обращал на себя всеобщее внимание женского пола, несмотря на свой черный фрак, вошедший в пренебрежение с тех пор, как в городе поселились две конно-артиллерийские батареи. Молодой помещик повел ее к кадрили и поставил против губернаторши. Раздались звуки Россини; все пришло в движение; толкаясь и теснясь, пары суетливо перебежали с места на место; одна только полковница оставалась недвижима, как будто память прошедшего изгнала из нее чувство настоящей минуты.

– Мадам Гольцберг, ваша очередь! – пропищал возле нее насмешливый голос.

– Ваша очередь, – повторил басом ее кавалер.

Она опомнилась, протанцевала первую фигуру, по в продолжении кадрили несколько раз сбивалась с такту, путала фигуры и отвечала невпопад петербургскому кавалеру, который, играя своими бриллиантовыми пуговками, поглядывал на нее искоса с недоумением и самодовольно рисовался против большого зеркала.

На другой день все кричали по секрету о ни на что не похожем смятении полковницы Гольцберг в то время, как «петербургский» танцевал с нею. Многие подозревали давнишнее знакомство между ними; некоторые разглашали это за достоверное, и все знающая полицеймейстерша рассказывала уже по этому случаю несколько презабавных анекдотов, извлеченных из взоров полковницы и из собственных своих догадок. Бедная полковница!

Надобно знать, что в то время три osoby были предметами бесжалостного внимания жителей этого города – полковница Гольцберг, жена полковника Листкова, командовавшего другою батареею, и приезжий из Петербурга мосье Нерецкий, – но каждая по другой причине. Первой не могли простить ее холодности к обществу, дышащему мелочной завистью и сплет-

нями, этой язве провинциальных городов; ее склонность к уединенной жизни, ее отчуждения от всех знакомств и особенно простоте ее нарядов, без всякой бронзы. Вторая явилась грозною соперницею всех модниц города: два раза в год выписывала она из Москвы целые транспорты нарядов; она имела большие притязания на красоту и на паркете была истинной командиршей своих офицеров, как муж ее был командиром их в поле. Мосье Нерецкий занимал умы вот по какому поводу: Нерецкий не имел в городе родных, и имение его не было расстроено, – так зачем бы ему переселиться из столицы на всю зиму в дрянной городок? Нет сомнения, говорили мужчины, что он исключен из службы. Нет сомнения, говорили женщины, что он в Петербурге не нашел подруги по сердцу и возвратился в свой родимый край искать второго рождения или первой любви, или, говоря яснее, законной супруги. Как не обратить внимания на человека, у которого можно при случае выиграть порядочные деньги! Как, с другой стороны, не обратить внимания на человека лет тридцати, с большими бакенбардами, с тремя бриллиантовыми пуговицами на манишке, на человека, который так мило растягивается на стуле перед фортепианами и поет «Талисман» и «Красный сарафан» полубасом, полутенором, опираясь па восемьсот душ, которые он наследовал после батюшки в пятидесяти верстах от города? По всем таковым уважениям каждый шаг госпож Гольцберг и Листковой и господина Нерецкого был основанием новой сплетни. А в эту зиму, как нарочно, столько было балов и пиров, сколько не запомнят в той стороне со времени Куликовского сражения. В старых деревянных рядах всякий день толпились дамы; купцы развешивали моднейшие газы и материи; девицы и дамы на каждый бал являлись в новых платьях и с новыми затеями.

Уже вторая дочь прокурора познакомилась довольно коротко с Нерецким; он всегда танцевал с ней мазурку, но иногда казался равнодушен и к дочери отставного генерала, которая некогда была воспитана в институте и потому все еще обворожала детской невинностью и милой резвостью, – а иногда его снисходительный взор падал на дочь главы купечества, наследницу двух больших домов и нескольких сот тысяч денег. Эти три грации боролись между собой, гоняясь за сердцем петербургского адониса, то опережая друг друга, то отставая с горечью и злобою. Когда в зале явилась полковница Гольцберг, Нерецкий первую кадрили танцевал с ней. Этого уже довольно. Полковницу разнесли на языках. К мазурке он приглашал ее, она отказалась и уехала, а он всю остальную часть вечера бродил со шляпою в руках, не танцуя и почти не говоря ни с кем, что с ним очень редко случалось. Какая пространная канва для злоречия! Все взволновалось; все зашипело от ярости! Через неделю Нерецкий был с визитом у Гольцберга, и полковник пригласил его к обеду на следующий день. К вечеру того дня уже все рассказывали, что полковница надела новый шелковый капот и заказала к обеду два лишних блюда.

Но возвратимся ко дню, который непосредственно последовал за балом. В десять часов утра Вера была уже в комнате Ольги, и они без докучливых свидетелей предавались искренним чувствованиям.

Вообразите два цветка, возросшие на одном стебле, которых питала одна роса, освежал и лелеял один ветерок; которые под грозною тучею прижимались один к другому и после весело красовались под весенним солнцем, любясь взаимно своей красотой. Вообразите, что жесткая рука сорвала их с родного куста и, не довольствуясь этим, разорвала еще не отстрадавшие их стебли и посадила цветки в разных сторонах, под разными небесами, на незнакомых почвах. Бедные цветы не увяли, но душа, насильственно разделенная надвое, могла ли оживлять их по-прежнему? Зной палил их, черная туча обливала холодным дождем, они равно клонились к земле осиротелыми головками; им не от кого было ждать утешительного взора, некого ободрять веселою улыбкою; и равнодушно ждали они вихря, который вырвал бы их с нового корня и обратил в прах.

Так росли Вера и Ольга; мать Ольги приютила сироту Веру, и она забыла свое сиротство. В счастливой южной стороне, на южном берегу Крыма жили они, не считая дней. Солнце про-

буждало их для учения, для прогулок, для неистощимых разговоров; в продолжение коротких южных зим они пламеннее предавались учению под заботливым руководством матери.

Но чтобы понять характеры этих двух молодых особ, надобно знать несколько их воспитания.

Мать Ольги, умная, почти ученая женщина, была несколько вольнодумна. Не по собственным размышлениям, но в те лета, когда всякий по наружности блистательный афоризм глубоко западает в разум, она прочла все творения философов французской школы и считала непреложные условия женского быта за выдумки, годные только для толпы. В жизни своей она не испытывала этих сильных переворотов, которые заставляют иногда закоренелых вольнодумцев устремлять взор к небесам; она жила тихо, однообразно: исполняла все свои обязанности с строгою точностию, была добра для себя и для других и по этим правилам воспитывала своих детей. Они учились всему, исключая того, что должно служить основанием прочего; но мать старалась от нежного возраста изодрать в них до высочайшей степени чувство благородства; предметами их благоговения были деяния великих мужей. Самопожертвование, великодушные поступки заставляли трепетать их юные сердца, и от ранних пор они привыкли чувствовать и мыслить по примерам древних. Никогда ложь не оскверняла их уст; данное обещанье они хранили и исполняли наперекор всем обстоятельствам, как тот римлянин, жертва своего слова, который вызывал слезы удивления на их щеки. Прибавьте к этому совершенное уединение, где ничто не разочаровывало их понятий, где, напротив, все питало в них посеянные семена плодов не нашего века, где развалины генуэзской крепости и высокий утес беспрестанно являлись их пылкому воображению то древней Капитолией, то скалой Тарпейской и где библиотека нескольких сот томов была отворена для них от тринадцатилетнего возраста. Представьте себе все это, и вы поймете их порывы сердца, простите излишнюю мечтательность головы. Вы скажете, что теперь не много примеров такого воспитания. Не знаю!.. Конечно, теперь их гораздо меньше, с тех пор как в домашнем образовании юношества Бальзак заступил место Цицерона.

Да, после шестилетней разлуки они увиделись вновь; но как годы изменили их! Кто бы узнал в тихой, медленной поступи Ольги, в ее бледном лице и грустном выражении глаз, в холодных и резких суждениях Веры и в ее равнодушии ко всем чувствам сердца, кто бы узнал, говорю я, тех резвых девиц, которые как серны карабкались на неприступные утесы, смеялись на краях бездны, встречали восход солнца на обломках древнего христианского храма, любуясь пурпуровым цветом утренних облаков и зарумяненной поверхностью моря? Которые по непонятному для самих себя влечению искали опасных мест, с наслаждением садились на высоком обрыве, внизу которого кипели волны, и там с большим восторгом читали сперва Плутарха, позже вымыслы графини Жанлис и баронессы Сталь?

Сколько рассказов, сколько взаимных доверенностей! В первый раз после шести лет они облегчали души свои, переливая в душу друга давно тяготившие их чувства.

– Да! – продолжала Вера, рассказав подруге происшествия своих прошедших годов, – это разочарование, этот неожиданный нравственный удар перевернули все мое существование. Я увидела, как неуместны в нашем свете высокие понятия, великодушные, благородство, и составила себе очерк своей будущей жизни. Я в полном смысле слова одинока в свете, никто не любит меня, никто не заботится обо мне, и я вознамерилась обратить все нежные чувства своего сердца, все, что заключается в нем, преданности, любви, дружества, все, к собственной своей особе. Самый тесный эгоизм вот моя стезя. Я не могу любить мою первую, чистою любовью и не хочу предаваться никакому чувству второстепенному; и потому никогда не выйду замуж. Я покину мир, как покидает пришлец чужую сторону, где он принужден был говорить языком других и считал свое пребывание только чужими обедами. Я хочу и стараюсь довести себя до такой степени равнодушия, чтобы чувства мои сделались неспособными ни к какой нежности. Я хочу сделаться недоступной для всех умственных, духовных ощущений и жить, подобно устрице, одним телом.

С удивлением слушала со Ольга; этот язык был для псенов и непонятен; для нее, которая совершенно противоположно отвергала от себя все земные чувства и жила одной душой, влача в свете сонное существование, почти машинально исполняя обязанности, налагаемые обществом, и пробуждаясь к жизни только наедине с собою, с своими духовными собеседниками.

Рассмотревши ее положение, вы простите ей излишнюю мечтательность. Есть особы, которые не знаю для чего рождаются в свет, потому что в этот мир, полный холодных умствований и расчетов, они приносят с собой душу, жадную до глубоких, истинных чувств; ум, который, видя всю ничтожность маскарадного покрывала приличий, никогда не может согласить поступков своих с мнением деспота – общества, и выше всего приносят упование на свою долю счастья! Эти особы, принужденные следовать общей колее, должны как влюбленный *duc de Loggaine*¹, держа в горсти горящие угли, никому не открывать их, хотя бы тело их испепелилось вместе с углями, – если не хотят сделаться предметом посмеяния. Никогда не свыкнутся они с условиями света, будут в тягость себе и другим, и даже голос их так чужд всему миру, что нигде не найдет он отголоска.

Это случилось с Ольгою; с своим воспитанием, с своим образом мыслей и жизни до пятнадцатилетнего возраста, как могла она принять удел свой так, как приняли бы его тысячи женщин? Смерть матери вырвала ее из мирного убежища, разлучила с подругой ее детства и бросила на руки одному родственнику, старому полковнику, обремененному собственным семейством, который, исполняя долг христианина и родственника, с беспокойством помышлял, что, может быть, нелегко ему будет сбыть с рук девушку без приданого. И вдруг молодой полковник Гольцберг, – молодой по леточислению дяди, которому полковничий чин вышел на пятьдесят восьмом году, – представь, пленился и предложил руку свою Ольге: сердца он предложить не мог, «ибо не оказалось одного в запасном магазине его высокоблагородия». Дядя благословлял небо и, не рассуждая долго, объявил свое решение Ольге: через две недели бедная сирота с сердцем, еще не уврачеванным от первого удара, с помутившимся разумом от угара нежданных происшествий, сама не зная что делает, стояла у алтаря с человеком, которого едва знала в лицо.

Мало-помалу угар рассеялся; Ольга приходила в себя, и ее положение начинало ей представляться ясное. Она увидела себя связанною с человеком, с которым по могла иметь ни малейшего сочувствия. В ее девические, или скорее, детские годы любовь исключительно не занимает мечты: иногда по прочтении какого-нибудь нравственного романа ей грезился идеал; несколько дней она видела во всякой звездочке глаза, которые жгли ее сердце; но эта мечта скоро рассеивалась, сменялась другою, и Ольга не считала любви потребностью жизни, предметом существования женщины. Будь ее муж человек с умом, с малейшею прозорливостью, он мог бы легко привязать ее к себе, иногда подделываясь под ее детские восторги, иногда доказывая их опасность в ее положении, он мог бы исцелить ее от ума, одеревенить ее, сделать материальною, сформировать по-своему; конечно, это было нелегко, но не невозможно. Но полковник Гольцберг был добрый немец; славный хозяин в своей батарее, удалой кавалерист, подчас кузнец и шорник, подчас барышник, которого не провел бы ни один цыган: он знал все подробности пушки и зарядного ящика, но сердце женщины было для него тайником неприкосновенным. Он женился, потому что ему было сорок лет и хотелось обзавестись хозяйством; потому что Ольга ему понравилась и он полагал, что хотя она не имеет приданого, однако может составить его счастье на зимней квартире.

О счастья женщины он имел короткое и ясное понятие: благосклонное обращенье, снисходительность к капризам и модная шляпка, – вот что, по его мнению, не могло не осчастливить женщины, и к этому он, вступая в супружеское звание, обязался мысленно подпискою.

¹ Герцог де Лорэн (франц.)

Таким образом, судьба не только не дала этой поэтической женщине мужчины, который был бы в состоянии понять ее, воспользоваться всеми сокровищами ее ума, души, сердца, наслаждаться красотами ее внутреннего мира или по крайней мере ловко зарыть их в землю и скрыть навсегда от собственного ее сознания, но еще бросил ее в круг, вовсе не сродный ей.

Знаете ли вы, что такое жизнь называемой военной дамы? Ольга вышла замуж, и несколько дней спустя карета их выехала в грязные улицы жидовского местечка. Оборванные, полунагие нищенки с визгом окружали редкое для них зрелище; по обеим сторонам улицы тянулись жалкие и запачканные лачуги крестьян и сынов Иуды; на всяком шагу взоры встречали отвратительную нечистоту. Карета остановилась у двора одной из лачуг, вновь выбеленной и обнесенной новым забором. Это была квартира полковника. Часовой мерными шагами ходил возле зеленого ящика, и мимо него полковник Гольцберг ввел свою молодую супругу в низенькую комнату, обитую коврами; на стенах висели сабли и пистолеты, во всех углах стояли трубки разных величин и достоинств и красовались табачные кошельки, бисерные и шелковые, вышитые еще для холостого полковника милыми соседками. Три подобные комнаты составляли их жилище. Утро муж ее проводил в сараях, в манеже и так-далее; к обеду сходилось человек двенадцать офицеров и оглашали маленькую комнату шумными разговорами; иногда в веселый час подчиненные отпускали полковнице по комплименту, всякий по своему уменью, и после обеда все расходились спать; Гольцберг также ложился, и тишина воцарялась в смиренном жилище, прерываемая только его звучным храпением. Смеркается, офицеры от нечего делать вновь сходятся к своему начальнику, закуривают трубку и садятся вокруг самовара. Ольга едва успевает наполнять быстро опоражнимые стаканы; они толкуют об ученье, о лошадях, собаках, пистолетах, шорах; разбирают военные приказы, жалуются на медленное производство; между тем дым из трубок стущается, образуется плотное облако, наполняющее всю комнату, свечи слабо мерцают в дымной атмосфере, окруженные венцом красно-синеватого цвета, как мерцание фонаря в воздухе, сжатом двадцатью градусами мороза. Тут расставляют карточные столы, и в маленькой комнате раздаются только технические восклицания игры, непонятные для Ольги, не посвященной в таинства этих иероглифов, некогда изобретенных для безумного, а теперь занимающих большую половину всех умных людей. Иногда отважнейшие из офицеров вторгаются и в литературную область, тупые остроты и каламбуры летают перекрестным огнем, но, к счастью, недолго; скоро важный вопрос о способностях к фрунтовой службе такого-то фейерверк^{ер}а или о копытах недавно приведенного коня сменяет вопрос о гениях нашей словесности, и залп табачного дыма из всех ртов покрывает все пеленою удушливого мрака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.